

Власть археологии и археология власти

(Смирнов А. С. Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки институциональной истории науки XIX — начала XX века). М.: Институт археологии РАН, 2011. 592 с.)

Основоположником историографии отечественной археологии по праву считается Александр Александрович Формозов (1928–2009). Практически все авторы, которые, так или иначе, разрабатывали в 1980–2000-е годы эту тематику, ссылались на его работы, признавались в приверженности его идеям и выводам по части прошлого науки о древностях. Однако продолжение практически у всех и всегда шло, так сказать, вширь, а не вглубь. Захватывались новые регионы раскопок; учитывались дополнительные имена и учреждения их организаторов; уточнялись оценки тех или иных лиц, экспедиций и инстанций. В результате оказался поднят массивный пласт архивного, документального материала о том, как изучали древности наши предшественники. Попытки же качественно отличаться от «формозовской парадигмы» историко-археологических исследований ограничивались, что называется, реваншизмом: стремлением как-то реабилитировать, защитить тех авторов и те институты, которые Формозов критиковал, признавал вредными, реакционными. Эти варианты полемики Александр Александрович предвидел, специально оговорил в своих итоговых, завещательных книгах.

Выход в свет объемистой (за 70 печатных листов) монографии Александра Сергеевича Смирнова представляется мне очень важным, долгожданным событием в развитии нашей археологической историографии. Рядом с этой работой можно поставить разве что два-три труда, схожих по масштабности замысла, но, в общем, другой тематической доминанты (Тункина 2002; Платонова 2010; Клейн 2011).

В чем заключаются новизна и перспективность смирновского подхода к истории русской археологии? Прежде всего, в том, что наш автор не побоялся изменить идеологическую точку отсчета во всей этой научно-тематической «нише». Взгляд Формозова тут оставался либерально-интеллигентским: не любя советской власти, отвергая и беспощадно осуждая ее культурный опыт, он, что называется, впитал с молоком матери вполне революционные, а значит и советские оценки дооктябрьской России. Самодержавие в его глазах оставалось безусловно реакционным институтом, и те самодержцы, что рьяно отстаивали имперские устои, получали в трудах Формозова однозначно отрицательные оценки. «Николаевская реакция», «контрреформы Александра III», «вырождение монархии при слабосильном Николае II». Что уж говорить о сподвижниках и сторонниках царей и их министров. Они в своей массе якобы обречены были не двигать, а тормозить науку о древностях. Относиться к ней потребительски, в духе ложно понятого патриотизма и совсем уж отвратительного национализма. Если не текстуально, то по духу, по идее, так рассуждал Формозов. Повторяя логику русской интеллигенции пореформенного и предреволюционного периодов, нравственную присягу которой он публично принес.

Можно признать долю исторической правоты за этой позицией. Но следует признать и ту часть исторической правды, которая была и остается на стороне консерваторов, так называемых реакционеров, более сочувственно именуемых теперь государственниками, «почвенниками». Тех, кто самоотверженно помогал строить, защищать Российскую империю. Тех, кто служил верой и правдой тому строю, тому правительству, которыми наделила их судьба. А те археологи и прочие гуманитарии, кто исповедовал демократические и даже радикальные воззрения, были обречены как-то взаимодействовать с «охранителями». А. С. Смирнов приводит несколько примеров — их число нетрудно умножить — когда сосланные на окраины империи смутьяны находили там свое призвание как географы, археологи, этнографы, фольклористы. Не будь они репрессированы (по сравнению с советским периодом, весьма мягко), наука не пополнилась бы П. Н. Кропоткиным, Л. Я. Штернбергом, ведущим раскопки П. Н. Милоковым и другими яркими фигурами.

В итоге реалистическая панорама отечественной науки нуждается не в сортировке на идеологически «чистых» и «нечистых» деятелей, а в стереоскопическом обзоре того, как жили и действовали все участники этой «академической игры». Каждый по-своему искренний, продуктивный в научном отношении. Вот эту сторону истории русской науки на весьма показательном примере именно археологии и раскрывает в своем исследовании А. С. Смирнов.

Соответственно своим сверхзадачам, Смирнов отличается от Формозова по предметам историографического внимания: первый разрабатывает прежде всего историю более или менее официальных лиц и особенно учреждений, особенно в области политики, внешней и внутренней, а второй — культурный контекст науки, ее внешние связи с миром религии, искусства, просвещения и т. д. Для Формозова главное личность археолога как такового, частного лица, а для Смирнова — пути его служебной биографии, вклад в государственное и общественное «строительство». Автору рецензируемой книги «необходимо понять, как национальный или государственный колониализм, национализм, регионализм и иные культурные предубеждения повлияли на выбор исследовательских тем в археологии и полевой практике, а также на кабинетную интерпретацию археологических данных. Следует проследить, каким образом экономический, политический, социальный, религиозный и культурный контексты повлияли на эволюцию археологической мысли, оценить воздействие общества и власти на организацию археологической науки, выбор ее исследовательских приоритетов и направлений» (с. 9). При этом установки на идеализацию, безусловное восхваление ученых на имперской службе в книге нет. Есть объективная данность: переплетение собственно академических задач и внешних науке политических целей, явных и тайных идеологических замыслов организаторов и исполнителей тех или иных мероприятий, особенно экспедиций. Как видно из новой книги, достижения на археологическом фронте соседствовали с неудачами, даже провалами, и научными, и политическими.

А. А. Формозов не жаловал сановных покровителей археологии и ее начальников, относился к тем и другим, как правило, критически. Малоизвестный краевед для него не менее важная фигура, чем придворный сановник, на досуге интересующийся древностями. Любимый герой Александра Александровича — скромный разночинец, самоотверженным трудом «сделавший себя»

в науке на медные деньги. Например, И. С. Поляков — сын забайкальского казака и бурятки, первооткрыватель палеолитических Костёнок, или совсем уж безвестный «уралец Малахов», очерк о котором Формозов опубликовал дважды (Формозов 1991а, б). Сочувственно цитируется Александром Александровичем письмо А. П. Философовой И. С. Тургеневу, где говорится о «новых людях» пореформенной России: «Эти личности задаются не карьерой и не акционерными обществами, а служением человечеству и самой обездоленной его половине» (Цит. по: Формозов 1983: 53).

Когда-то кого-то этот культуртрегерский пафос впечатлял. Но пора бы уже нам понять: именно акционерные общества вкупе с прочими институтами капитализма позволили по крайней мере «половине человечества» подняться до высот индустриального, а потом и постиндустриального общества. И пользуясь новыми возможностями, помогать другой, «самой обездоленной половине». А вклад в науку нередко зависел именно от успеха служебной карьеры того или иного лица, чьи материальные возможности росли вместе со званиями и чинами. Сановных же археологов Формозов, как уже отмечалось, недолюбливал. Беглых упоминаний удостоиваются в его книгах граф Л. В. Перовский, в качестве министра уделов, а потом внутренних дел первым организовавший археологическое обследование юга России на государственные средства; или же граф А. А. Бобринский, переведивший, наконец, Императорскую Археологическую комиссию с сугубо коллекционерских на научные основания; и т. п. именитые персоны. Исключение делалось А. А. Формозовым для четы Уваровых, чьи роли им оценивались очень высоко. Однако придворные связи графа и графини, их коммерческая деятельность, без которых в Российской империи мало что серьезного можно было поделывать по части древностей, оставались «за кадром» формозовского анализа.

Еще одной особенностью работы А. С. Смирнова явилась ее хронологическая, тематическая и географическая широта. Хотя в нашем распоряжении уже имеются варианты синтеза в области всей истории российской археологии (Формозов 1961, 1986; Лебедев 1992), они все-таки поуже тематически. В новой книге история археологии соотнесена с широчайшим ареалом становления Российской империи — как ее сердцевинными, «внутренними» губерниями и областями, так и, в особенности, с разными окраинами — западными, южными, восточными, где изучение их специфических древностей служило, среди всего прочего, и предлогом, и причиной инкорпорации соответствующих территорий в имперский государственный организм. Кроме того, впервые системно рассмотрен археологический фактор внешней политики империи, широко обозревается тема «Дипломатия и древности». Так что заявленная в самом названии монографии установка на системное рассмотрение социально-политических обстоятельства институционального становления российской археологии вполне реализована автором.

Решительно расширяя диапазон рассмотрения истории отечественной археологии, А. С. Смирнов учел практически все работы своих предшественников, как крупные, так и мелкие. Список источников и литературы в этом издании (с. 536–587) весьма полный. Он содержит массу малоизвестных даже коллегам автора — историкам и археологам редких печатных изданий.

Основной текст работы поделен на две почти одинаковые по объему части. Первая посвящена связи археологии с внутренней политикой Российской империи, вторая — с политикой внешней.

В первой части две главы. Первая дает сводный очерк взаимоотношений государственной власти, археологических учреждений и научно-просветительских обществ в России с середины XVII и по начало XX в. Во второй главе та же проблематика конкретизируется на столь выразительном материале, как археологические съезды.

В преамбуле к первой главе затрагивается вопрос о начале археологии в нашей стране. Были попытки удревять это начало до предела, обращая внимание на летописные и житийные известия о поисках кладов еще в домонгольской Руси, перезахоронении из языческих курганов останков тогдашних «старых князей», размещении в храмах реликвий и т. п. мероприятия ранних Рюриковичей. Автор логично разграничивает сугубо прикладной интерес населения и властей к городищам, курганам икладам как географическим ориентирам, возможным источникам обогащения и т. п. меркантильным вещам, и любопытство сугубо познавательное, внимание к памятникам народного прошлого. Первый подход уходит «далеко вглубь веков», а второй относится к рубежу позднего Средневековья и раннего Нового времени. В качестве переходного момента от потребительской к познавательной «археологии» тут верно отмечаются «сыски о кладах», которыми центральная и местная ветви власти рьяно занимались и в XVI, и особенно в XVII столетии. Стоило уточнить, что под «кладами» тогда понимали и собственно спрятанные в землю сокровища, и древние могилы с вещевым инвентарем, и остатки поселений с культурным слоем, и чисто мифологические, воображенные народной фантазией «объекты» (Новомбергский 2004).

Первые документы о сугубо познавательном (протоархеологическом) интересе к ископаемым артефактам справедливо относятся автором к правлению Алексея Михайловича. Антикварный интерес — предтеча науки — объясняется усилением контактов русских дипломатов и купцов с Западной Европой, уже сформировавшей его в эпоху Возрождения. Так что изначально и впоследствии на развитие отечественной археологии влияли интересы как внутренней, так и внешней политики государства. Это один из основных выводов работы.

Далее прослежены основные «шаги в развитии археологии на пути превращения ее в научную дисциплину» за XVIII — первую четверть XIX в. Историки русской археологии всегда уделяли повышенное внимание этому периоду, находя в реформах Петра I и деятельности его сподвижников, а также его преемников на царском троне начало нашей археологии. А. С. Смирнов со своей точки зрения на политический контекст науки убедительно поправляет эти выводы. Не только Петр, но и Екатерина II и Александр I «не предполагали идеологического утверждения великорусского начала в государстве. Имперская власть позиционировала себя как главу всех народов России» (с. 18). В результате археология тогда не получила возможности институционально самоопределиться по сравнению с географией, статистикой, геологией и другими направлениями «ученых путешествий» и прочих раннеархеологических проектов новорожденной Академии наук, инициатив отдельных просвещенных лиц. Всяческие уники да антики не воспринимались еще у нас как меты

национального прошлого. Собиратели древностей поначалу бездумно повторяли опыт западноевропейских антикваров, постоянно оглядываясь на их суждения. Какие-то археологические наблюдения накапливались подспудно по ходу в общем внеархеологических предприятий. У государства еще не возникло нужды поощрять создание каких-то обществ, объединений исторической направленности. Археологические аргументы тогдашней политике были без надобности. «Политическое коромысло» клонилось в сторону интеграции с остальной Европой. Отсюда и вторичный характер старта отечественной археологии, поначалу искавшей только свои источники донациональных, античных древностей на юге страны.

Первым монархом, обратившим пристальное внимание на памятники именно родной старины, стал Николай I (Высочков 2006: 412–420). Одной из причин тому послужил, очевидно, явный раскол общества в связи с движением декабристов, вообще последствия близкого знакомства массы его подданных с Западной Европой во время войн против Наполеона. В результате маятник государственной политики качнулся от «прорубания окна в Европу» в противоположную сторону — поиска национальной самобытности, опоры на славные свершения предков.

Новые идеологические установки и политические условия не могли сказаться на состоянии гуманитарной науки немедленно. Сугубо прикладной характер государственного управления в молодой империи обусловил такой организационный контекст для многих общественных наук, включая археологию, как статистическая служба. Верховная власть решила разобраться, чем и кем она в действительности управляет. Статистические запросы из центра о состоянии экономики, демографии, законности и даже древностей губерний и областей России стали дополнительным способом проверить дееспособность местных властей. Так статистика стала одной из официальных функций Министерства внутренних дел, в составе которого возникли центральный и много местных, Губернских статистических комитетов. Их деятельность довольно подробно обзревается А. С. Смирновым в начале первой главы. Изложение здесь изобилует новыми фактами, именами, ссылками на затерянные в редких изданиях публикации. В целом его оценка этих учреждений справедлива: перед нами первые официальные инстанции на местах, почти по всем регионам огромной империи, что предпринимали некие шаги по учету, если не изучению памятников старины на своей территории, хранению случайно или намеренно найденных древностей. Однако хочу подчеркнуть, что внимание государственных чиновников к археологии оставалось весьма умеренным. Большинство комитетов не имели своих музеев, печатных органов собственно исторической направленности, да и энергичные любители старины находились далеко не везде. Общая для российского государства бюрократизация давала себя знать и здесь. Большая часть историко-археологических мероприятий этих комитетов оказалась предпринята только после запросов из центра, и реакция на них чаще всего оставалась более или менее формальной.

В подтверждение высокой оценки деятельности статистических комитетов А. С. Смирнов цитирует Д. Я. Самоквасова, на III Археологическом съезде отметившего: «Обширность важного материала, доставляемого комитетами... в губерниях, где... было известно 10, 15 городищ, их оказалось от 150 до 300»

(с. 31). Читателю стоит пояснить, что речь идет не обо всей археологической деятельности комитетов, а только об анкете, которую Самоквасов провел циркуляром через Центральный статистический комитет. Переписывая «древние земляные насыпи» на подведомственной территории, губернские чиновники выполняли приказ МВД. В одних губерниях — ревностно и результативно, а в других ограничились отпиской. Так что приведенная оценка Самоквасова — скорее пожелание на будущее, демонстрация возможностей, отчасти самореклама (Щавелев 1992: 255–264). Без запроса из министерства комитеты в своем большинстве древней историей интересовались мало. Попытки отдельных энтузиастов создать при некоторых комитетах специальные историко-археологические комиссии дальше заявлений о намерениях не пошли, как, например, в Курске и на сопредельных территориях (Щавелёв 1997: гл. II).

Дело разведок, раскопок, музеев, архивов древних актов заметно активизировалось в рамках Губернских ученых архивных комиссий (ГУАК). Их опыт весьма подробно охарактеризован А. С. Смирновым. На этом опыте гораздо ярче, чем в период губстаткомитетов¹, подтверждается наблюдение автора за тем, как становление русской археологии оказалось завязано на личных отношениях местной бюрократии с императорами, членами императорской семьи, придворными и министерскими сановниками. Централизованное плановое финансирование Архивных комиссий и похожих объединений любителей истории при постоянном «дефиците государственного казначейства» пробивалось долго и осуществлялось скупно. Но при наличии связей при дворе, умении и удаче подать дело выгодным образом на самом веру успех, как правило, был гарантирован. Именно таким образом Д. Я. Самоквасов много лет получал казенные субсидии на «раскопки и приведение в известность древних земляных насыпей внутри империи» (Щавелев 1998), а Курская, Воронежская, Саратовская и некоторые другие ГУАК — десятки тысяч рублей каждая на открытие местных музеев древностей в купленных для этой цели благоустроенных зданиях. Исследование А. С. Смирнова объясняет нам, почему и как именно рафинированный аристократ граф А. С. Уваров смог основать первое общенациональное древлехранилище — Исторический музей в Москве, а чиновные энтузиасты археологии на местах — свои региональные кружки любителей древней истории. Интересы науки резонировали при этом с задачами политики Российского государства, идеологии его правящей элиты.

Автор называет ГУАК «общественно-государственными организациями» (с. 52–53). Неточная оценка. Ведь они, в отличие от статкомитетов, не входили в состав губернской администрации. Разрешение на их открытие давало МВД, в дальнейшем их работу как-то координировало Министерство просвещения и опять-таки частно-общественный Археологический институт в Петербурге. Комиссии и похожие на них объединения (Археологические комитеты в отдельных уездах, Церковно-археологические комитеты при губернских епархиях и т. п.) собирались и действовали на совершенно добровольной основе, оставались самоуправляемыми, существовали первоначально на взносы членов и редкие

¹ То есть и после открытия ГУАК в том или ином регионе ГСК оставался в структуре губернской администрации, но или передавал археологические задачи комиссии (чаще), либо в меру сил конкурировал с ней по этой части (реже).

меценатские пожертвования. Перед нами по сути дела ячейки гражданского общества, предпосылки того правового государства, о котором применительно к социально-политической эволюции Российской империи только начинают заявлять ее историки (Миронов 2003). Впечатление о прямом государственном влиянии на Археологические комиссии могло возникнуть оттого, что в состав большинства ГУАК входили не только представители разночинной интеллигенции, но и целый ряд чиновников, первых лиц губернской администрации, начиная с отдельных губернаторов и вице-губернаторов. Причем официальные лица не просто числились там, но и участвовали в заседаниях, выезжали на раскопки, вносили свою лепту в публикации многих комиссий (как авторы и редакторы). Видно, чиновники тогда в своем большинстве были куда более гуманитарно образованными и заинтересованными людьми, нежели в советские и постсоветские времена.

Конечно, среди ученых и любителей старины тогда встречались не только верноподданные, но и оппозиционно настроенные персоны. Однако политическая оппозиция среди ученых и краеведов была представлена далеко не так драматически, как это рисовалось обычно советскими историографами. В книге это обстоятельство метко подчеркивается: по мнению целого ряда экспертов, и наших, и иностранных, «русский чиновник и интеллигент были братьями одной семьи» (Р. Вильтон) (с. 198). Именно на должности с возможной гуманитарной подоплекой (вроде чиновников по особым поручениям при губернаторе или секретарей статистических комитетов) нередко приглашались лица с либеральной, а в окраинных губерниях даже с революционной репутацией (вроде сосланного в Забайкалье князя П. Н. Кропоткина). Эти случаи не воспринимались как ренегатство с обеих заинтересованных сторон, охранительной и оппозиционной. Наука нередко примиряла политических противников. Так что история археологии позволяет более реалистично представить себе политическое устройство Российской империи.

Разумеется, А. С. Смирнов совершенно прав, когда подчеркивает тотальный государственный контроль над деятельностью всех этих формально общественных объединений ученых и любителей старины (с. 77). В книге этот контроль, его способы и направления, обстоятельно рассмотрены. Один из авторских выводов тут подчеркивает почти полную деполитизацию дореволюционных объединений археологов. Найденные Смирновым данные о революционной деятельности под прикрытием археологии носят единичный характер (с. 382). К этому доказанному выводу стоит добавить, что некие оттенки в политических взглядах археологов, особенно на местах, историография сохранила. Но их диапазон был не слишком широк: от прямого черносотенства до либерализма в кадетском духе. И на первые роли либеральничавших любителей археологии в их провинциальных кружках не пускали, а лиц с революционной репутацией туда просто не принимали.

При всех известных нам недостатках ГУАК, подготовительных комитетов археологических съездов, работавших по несколько лет между их созывами в том или ином регионе, похожих объединений любителей старины, они сыграли незаменимую роль в институционализации обращения с историческими древностями практически на всем пространстве огромной державы. В рецензируемой книге подробно прослежены их связи со многими центральными научными

организациями, начиная с университетов, Императорской Археологической комиссии и заканчивая такими, как ИОЛЕАЭ, ИРГО, ИМАО и др. Любители истории в губерниях и уездах оказались тогда полноценно включены в академическую работу. Характерно, что «краеведами» они себя тогда не называли, а называли начинающими исследователями древностей, их любителями. В книге подчеркивается, что гимназическая, университетская подготовка позволяла тогда этим дилетантам заниматься археологией более или менее научно. Разумеется, прежде всего, в деле эмпирического сбора документальных и вещественных источников для профессиональных историков, археологов, этнографов, фольклористов. Впрочем, в условиях становления отечественной гуманитарной науки любительский старт характерен для А. С. Уварова, Д. Я. Самоквасова, В. А. Городцова, А. А. Спицына и других будущих корифеев, особенно выходцев из провинции.

Подготовить для каждого региона нужное количество археологов — задача далеко не решенная даже в наши дни, спустя почти сто лет после того, как ГУАК и т. п. объединения в первые послереволюционные годы закрыли. Советские общества краеведения в 1920-е годы практически во всем продолжали работу архивных комиссий, хотя и с меньшим успехом. А после того, как на рубеже 1920–1930-х годов краеведческое движение в СССР было разгромлено, общественная составляющая государственной заботы о древностях так и не вернулась на дореволюционный уровень (Щавелёв 2007). «Краеведы» второй половины XX в. в своем большинстве отличались недостатком общей грамотности и психологической ущербностью. Исключения среди добровольных помощников археологов в эту пору только подтверждают правило их слабой квалификации. Так что проделанный А. С. Смирновым углубленный и расширенный анализ тогдашнего опыта взаимодействия государства и энтузиастов родной истории сегодня весьма поучителен.

К перечню учтенных в книге А. С. Смирнова ранних форм становления археологических потребностей российского общества я бы добавил периодическую печать. Сначала в центральных альманахах, журналах, а затем, к 1850-м годам, и в губернских «Ведомостях», гражданских и епархиальных, в ежегодных «Памятных книжках» губерний и областей империи все чаще стали появляться статьи и заметки на историко-археологические темы. Как ни странно для всех этих сугубо официозных органов, и на их страницы порой проникала научная мысль, иногда оппозиционная государственной идеологии.

Ярким примером может служить цензурный скандал, случившийся в Курске в 1850 г. Врач здешней гимназии В. К. Гутцейт, выпускник Дерптского университета и увлеченный натуралист, корреспондент самого Ф. Рулье, опубликовал в губернских ведомостях статью о палеонтологических находках инженера А. Киприянова. Петербургский Цензурный комитет усмотрел в статье крамолу: автор противоречил библейской «хронологии Моисея» о сотворении мира. Последовало решение подвергать все губернские газеты предварительной цензуре. То, что уже было разрешено в академической печати, еще запрещалось в печати общедоступной (Щавелев 1997: 17–22).

Впрочем, подобные скандальные эпизоды оставались редким исключением. К началу XX в. в провинциальной печати накопилось довольно много ценного историко-археологического материала. Хотя по современным меркам этот

материал отличался описательностью и фрагментарностью, зато он часто был извлечен из таких памятников, которые вскоре были уничтожены природой или человеческими действиями.

В этой связи А. С. Смирнову стоило бы особо отметить археологическую роль представителей церкви. Хотя священнослужители редко где у нас выходили в лидеры археологии, свой вклад в поиски и объяснение древностей они внесли. В силу тех же причин, что отмечают А. С. Смирновым применительно к гражданскому чиновничеству, синодальная организация РПЦ централизовала и дисциплинировала разные инициативы по части просвещения, включая археологические. Сегодня покажется удивительным, но до революции церковные иерархи обычно куда более терпимо относились к научно-историческому анализу древностей, чем сегодня. Яркий образец тому дает опять-таки Курский край: его главная святыня, икона Знамения Богородицы (Коренная) по-разному датируется в литературе. «Курские епархиальные ведомости» сто лет назад согласились с реалистичной датировкой рубежом XVI–XVII вв., основанной на научной критике постлетописных источников об ее «обретении» (Сенаторский 1912). Современные же церковные иерархи вдвое удревляют возраст святыни — до 700 лет, опираясь на явно легендарные версии монастырской хроники, а доводам историков и археологов не внемлют (Раздорский 2008: 36–41).

Как видно, новейшая история нашей археологии включает не только институциональный прогресс, но и регресс по сравнению с прежними периодами ее развития.

Отдельная тема истории гуманитарной науки — связь некоторых ее представителей с националистическими и сепаратистскими движениями на западных окраинах империи. В книге по сути дела впервые и очень широко рассмотрены соответствующие моменты развития археологии в российской части Польши, на Украине, в Прибалтике. Особенно интересен собранный автором материал о Всероссийских археологических съездах — это вторая глава работы. Историки отечественной археологии раньше рассматривали или отдельные съезды, или даже все съездовское движение (Серых 2005), но описательно, регистрируя, кто и что там говорил, показывал, публиковал. Труд А. С. Смирнова впервые вскрывает политическую логику и изощренную административную тактику выбора места проведения каждого съезда, формирования его программы — докладной, выставочной, издательской, экскурсионной; контроля за поведением тех участников и той части посторонней публики, у которых складывалась подозрительная для властей политическая репутация. Показано, каких усилий стоило А. С., а потом П. С. Уваровым и их верным соратникам поддерживать съездовское движение в драматических условиях недавних национальных восстаний, революционного брожения, крестьянских бунтов и даже баррикадных боев в Москве.

Налицо поразительное сочетание зачатков гражданского общества, научно-просветительской самодеятельности, административной автономии в деле изучения древностей и жесткого самодержавного режима, полицейского государства. Властям, казалось бы, проще было запретить объединения археологов — и без них хватало площадок для антиправительственной пропаганды. Однако и представители власти в своем большинстве, и представители гуманитарной науки сумели удержаться от крайностей. Видимо, осознавали

взаимную выгоду сотрудничества. В этом — одно из историографических открытий обозреваемой работы.

Вторая часть книги — об археологических векторах внешней политики Российской империи — еще более нова, интересна в историографическом отношении, поскольку этим аспектом нашей археологии историографы занимались куда меньше, чем раскопками «внутри страны». Затрагивались отдельные персоналии, проекты и институты по изучению древностей в отдельных, как-то исторически связанных с Россией странах. В рецензируемой монографии заграничная панорама российской археологии представлена широко и последовательно: во-первых, в зоне интересов Османской империи (Северное Причерноморье, Балканы, Малая Азия, Палестина) и ее соседей-соперников (Афины, Рим); во-вторых, в Средней и Центральной Азии, частично поглощенных тогда Российской империей; в-третьих, в некоторых других странах Востока (малоазийская часть Турции, Персия, включая Курдистан, Месопотамию; Египет и еще несколько зон стыка интересов тогдашних великих держав). Применительно к каждому географическому вектору имперской экспансии показаны и результативные археолого-географические проекты, экспедиции, печатные труды; и замыслы нереализованные; и пробелы в интересах русских ученых. Все это соотнесено с дипломатической и военно-политической активностью России.

Собранный и истолкованный А. С. Смирновым материал на тему «Древности и дипломатия» позволяет по-новому понять участие России в «большой игре» европейских держав на Востоке. Как было видно еще из зарубежных исследований этой увлекательной темы, под личинами археологов, географов, этнографов, лингвистов на международных путях скрывались агенты разных правительств (Сергеев Е. Ю. 2011). Первыми научные ширмы для своих посланцев применили англичане, как это блестяще показал в романе «Ким» Р. Киплинг (Ливергант 2011: 199–208). Но кроме разведывательной информации и помощи врагам друг друга и русские, и английские, и французские, и немецкие, и прочие путешественники и резиденты собрали вполне музейные коллекции, массу полезных серьезной науке сведений. Так что и за пределами родины интересы власти и интересы науки преследовались нередко на одних и тех же путях. Геополитические амбиции былых правителей ушли в историю, остались собранные далеко от родины коллекции и прочие научные материалы.

Каждая глава работы А. С. Смирнова увенчивается «заключительными положениями». Эти взвешенные, содержательные резюме облегчают восприятие огромного тома, позволяют использовать его в качестве учебника для студентов и аспирантов не только по археологии, но и по смежным гуманитарным дисциплинам.

Особое внимание понимающего читателя привлечет заключение ко всей работе. В многих наших диссертациях и сделанных на их основе монографиях оно просто повторяет выводы из предыдущих глав и параграфов. Здесь — нет; все предварительные наблюдения и выводы препарируются, уточняются и обобщаются. Возражать против конечных формулировок А. С. Смирнова у меня желания нет. Есть желание подтвердить, разделить те или иные тезисы, а другие дополнить, уточнить.

Как уже отмечалось выше, поворот к славянским, русским древностям автор связывает с правлением Николая I. И делает вывод: «Во многом, это было

движение сверху, касавшееся преимущественно интереса к славянским, русским древностям, и не нашедшее полноценной поддержки в широких слоях просвещенного общества, уделявшего большее внимание древностям юга России» (с. 380). В целом это так, многие антиквариаты, представители просвещенного дворянства, вплоть до 1870-х годов недооценивали возможности культурного слоя «внутренних губерний». Однако уже «История государства Российского» Н. М. Карамзина открыла глаза многим губернским и уездным любителям старины на археологические возможности их малых родин. У разночинцев — любителей старины не было средств на дальние поездки в Причерноморье с его античными крепостями и скифскими курганами; их внимание волей-неволей притягивали родные места. Так, И. П. Сахаров вспоминал провинциальное начало своей антикварной работы: «Среди чтения “Истории” Карамзина являлась всегда мысль: что же такое Тула и как жили наши отцы? В этой мысли зародилось первое желание писать... тульскую историю. В “Истории” Карамзина промелькали указания о тульских событиях. Первые мои занятия состояли из выписок из Карамзина о тульских событиях» (Сахаров 1873: 900). А курский гимназический учитель А. И. Дмитриюков даже поправлял детали карамзинского труда после личных разведок упоминаемых кабинетным историографом местностей и своих раскопок там (Щавелев 1996). В чиновничьем аппарате николаевской России, куда, так или иначе, относились археологи-разночинцы, любое державное начинание должно было получить идейный резонанс. Археология не стала исключением. Встречное движение «снизу» к русским национальным корням началось у нас раньше, чем это представляется историкам археологии.

Автор сумел сказать о науке Российской империи все то хорошее, что можно было сказать, не отступая от исторической правды и не залезая в болото махрового национализма, точнее, шовинизма. Смена точки зрения (как сейчас модно говорить — «дискурса») с «левого» на «правый» произведена А. С. Смирновым так, что остальные теоретико-методологические нормы историко-научного исследования остались ненарушенными. Это важно заметить потому, что политические консерваторы как таковые во все времена и по сегодняшний день страдают вполне понятным субъективизмом и даже социально-психологическим нигилизмом по отношению как к своим идейным оппонентам, так и — что гораздо опаснее — к общеобязательным нормам научного исследования. Книжный и интернет-рынки наводнили безграмотные опусы о древнейших корнях славян и Руси. А. С. Смирнов этих идеологических «вирусов» избегает. Он не льет «историческую воду» на «политическую мельницу» сегодняшних эпитонов русского национализма и настоящего политического консерватизма. Исследователь стремится объективно изучить и понять, как русская археология повлияла на российскую политику, и какое влияние она с её стороны испытала. Эта стратегическая задача в рассматриваемой мной монографии успешно решена. Так редко бывает в гуманитарной науке — чтобы книга поменяла парадигму целой научной дисциплины. А. С. Смирнову этой удалось. Причем без идеологического скандала, сохраняя уважительное отношение к уже весьма солидной традиции историко-археологических штудий.

Важно отметить, что, радикально поменяв методологию историко-археологического исследования, А. С. Смирнов сохранил верность его оптимальной методике. Я имею в виду, прежде всего, необходимость комплексного

источниковедения для историографии. Историографическая «фишка» этого автора — архивы. Он, как видно, резонно решил, что окончательные аргументы в пользу своей новаторской позиции в давно и широко освоенной тематической области он найдет именно там. И, надо признать, нашел. Фактическое обогащение истории археологии в этой работе под стать ее же методологической новизне.

Фактические данные, собранные в этой книге, и содержащиеся в ней аналитические оценки и синтезирующие выводы на своеобразном материале подтверждают современные концепции власти. Это центральное для политической философии понятие трактуется по-разному. Наиболее авторитетная, пожалуй, сегодня трактовка принадлежит М. Фуко, который отвергал две лидировавшие до него версии власти. Одна обычно ассоциируется с марксизмом, отождествляющим власть с насилием. Другая принадлежит П. Бурдьё и сводится к соглашению властителя и отдавшего ему в подчинение по каким-то своим причинам субъекта (чаще всего — вследствие идеологического ослепления или экономического расчета). «Но хотя “использование насилия” и “получение согласия” являются орудиями или аспектами власти, они не раскрывают ее сущности. Власть является “воздействием на действие”» (Кола 2011: 110). Для Фуко власть — это особая практика, интерактивная деятельность множества разных субъектов, людей и учреждений. Эта деятельность носит осознанный, но не субъективный характер; она объективна, но не материальна. Не сводясь к другим сферам общественного сознания и поведения, власть осуществляется с помощью их всех — экономики, просвещения, науки и т. д.

Свою концепцию Фуко подтверждал экскурсами в историю медицины, особенно психиатрии (Фуко 1999). Философ предлагает в виде тюрьмы или лечебницы модели тех дисциплинарных зон, где «дрессируют животное, по имени человек». История гуманитарных наук, в том числе археологии, разнообразит предложенный им подход. Аргумент, адресованный в прошлое, выглядит в глазах современников и потомков особенно убедительным. Вроде того, что не мы начинали строить это государство, защищать эту страну, так не нам же ее и оставлять в трудную историческую полосу... Будем достойны наших предшественников. Поэтому постараемся узнать о них побольше. Поощрим увлечение нашей общей стариной. Примерно так актуализировались прежние и даже предельно древние эпохи в истории той или иной страны. Для относительно молодой по историческим меркам России археологизация каких-то моментов политики оказалась особенно востребованной.

Авторитарный, моментами даже диктаторский характер имперской власти в нашей стране яснее проявлял политический нерв гуманитарного познания, включая историко-археологическое. На быстрее и полнее демократизирующемся Западе академические объединения и иные институты гражданского общества скорее могли себе позволить демонстративную аполитичность, космополитический подход к предметам изучения. В самодержавной России власть не могла обойтись без апелляции к далекому прошлому, а его исследователи кто добровольно, кто вынужденно приносили патриотическую присягу.

Конечно, историко-археологический аргумент политики всегда содержит риск антинаучного искажения национальной ретроспективы. Об этой опасности не уставал предупреждать А. А. Формозов. Националисты склонны преувеличивать победы и достоинства предков, замалчивая их же поражения

и недостатки. А. С. Смирнов, вполне поддерживая это предостережение, указывает на опасность противоположной и, значит, упрощенной тенденции: столь же волюнтаристски, только с обратным идеологическим знаком, устранять патриотические оценки, вопросы культурной преемственности из рассмотрения исторических древностей.

В Новой истории Европы, включая модернизирующуюся под ее стандарты Россию, власти довольно рано стали использовать для укрепления своего положения и влияния историю и археологию. Мало-помалу властителем стало ясно, что ни голое насилие, ни вульгарный подкуп нужных людей и социальных групп не являются достаточными инструментами собственной легитимизации в сколько-нибудь широких территориальных и общественных масштабах. Эти прямые рычаги воздействия на подданных, а потом и избирателей полезно было подкреплять косвенными. Среди этих последних и оказалось членство в научных, просветительских объединениях, государственных академических организациях. Для представителей элиты ученые увлечения демонстрировали широту натуры; а меценатство, коллекционерство манифестировали влияние. Для разночинцев, «выскочек» же стать активистами статистического комитета или архивной комиссии, принять участие в увлекательной экспедиции или раскопках памятников старины давало шанс прямого общения с властью и деньгами имущими согражданами. Первые органы социальной коммуникации — газеты и журналы — предоставляли свои страницы корреспондентам из разных мест и сословий. Так, курский мясоторговец А. Ф. Семёнов (1794–1860) становится желанным корреспондентом астрономов из Императорской Академии наук, а его товарищ по купечеству Н. Ф. Полевой (1796–1846) сочиняет историю русского народа, печатавшуюся массовыми тогда тиражами. Книга А. С. Смирнова дает множество других образцов подобной жизненной игры, где органично сочетаются личные и общественные интересы, научные и идеологические цели.

Кроме более или менее научных дисциплин, автор в конце своего исследования предусмотрительно отмечает «победную поступь империи в истории литературы и искусства России» (с. 380). Им упомянуты соответствующие мотивы в жизни и творчестве наших замечательных деятелей литературы и других искусств — А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, И. К. Айвазовского, В. В. Верещагина (с. 380). Перечень писателей и живописцев тут точен, но не исчерпывающ. Великолепное начало разработке этой плодотворной ниши положил, как известно, А. А. Формозов (Формозов 1995). Появляются новые полезные попытки включить в круг широко понимаемой исторической археологии других авторов (Машанова, Машанова 2012). «За кадром» историографического анализа остается пока историко-археологическая живопись братьев Васнецовых, И. Я. Билибина; опера А. П. Бородина, бравшего консультации насчет половецкой Степи у членов Курской архивной комиссии; многие другие произведения русского искусства ретро- и этнонаправленности. Археологические мотивы звучат в русской поэзии и золотого, и серебряного веков — у Е. П. Зайцевского («На раскопках Херсонеса»), М. А. Волошина, М. И. Цветаевой, Е. Ю. Кузьминой-Караваевой («Скифские черепки»), С. П. Боброва («Херсонесида») и многих других. А. С. Смирнову стоило обобщить: историческое сознание народа посылно формируется не только и не столько учеными сочинениями, сколько произведениями представителей разных сфер внеученого знания, в особенности эстетического.

Книга снабжена именованным указателем. Все упоминаемые в тексте (кроме сносок) имена сведены в алфавитный список, где о каждом человеке дана более или менее краткая справка. В ней отмечены не только годы жизни ученых, государственных и общественных деятелей, политиков, чиновников и прочих участников работы с древностями, но и приведены основные вехи их биографий (происхождение, образование, сферы деятельности, чины и награды, участие в общественно значимых событиях, достижения в науке и т. д.). Завершает каждую статью библиографическая ссылка на обобщающие исследования, публикации о данной персоне. В результате именованный указатель не только облегчает понимание текста книги, но вкуче с библиографией несет в себе огромный массив информации, обладает самостоятельной научной и учебной ценностью. Во многих статьях представлены результаты архивных разысканий автора, даны ссылки на малоизвестную даже специалистам редкую литературу, включая иностранную.

В именованном указателе сведены данные почти о тысяче персонажей. Разумеется, на столь обширном историографическом пространстве остается место для кое-каких пожеланий составителю. Скажем, применительно ко всем русским царям и императорам, а также многим их сановникам рекомендованы сводные библиографические справочники («Рюриковичи», «Романовы»), сами по себе содержательные. Однако за последние годы практически о каждом русском самодержце, о многих политиках вышли качественные книги в серии «Жизнь замечательных людей», да и вне этой серии. В этих книгах, между прочим, как правило, отмечается и отношение их героев к истории, древностям, памятникам культуры. О нескольких археологах в именованном указателе приведены только дореволюционные словарные справки, хотя можно было сослаться и на позднейшие специальные издания. Например, одному из кумиров украинофильства Д. И. Эварницкому (Яворницкому) посвящен том документальных рассказов (Шаповал 1989). Применительно к Н. А. Бердяеву стоило указать не сборник «Вехи», где он поместил небольшую свою работу, а его же интеллектуальную автобиографию «Самопознание», или же большую статью о нем в кн.: Философы России XIX–XX столетий» (1999: 97–100). Еще кое-кто из упоминаемых А. С. Смирновым лиц оставил мемуары и дневники, опубликованные за последние годы (Ю. В. Готье, А. А. Иностранцев, Н. П. Кондаков, П. Н. Милюков, Н. И. Кареев и др.) — их-то и стоило указать в соответствующих библиографических справках. У графини П. С. Уваровой, наоборот, неоднократно отмечены ее недавно увидевшие свет мемуары, но не посвященный ей некогда сборник статей археологов и историков. Применительно к Д. Я. Самоквасову указана некрологическая справка Д. Н. Анучина, а не моя монография (Щавелев 1998).

Опечаток в книге немного. Сокращение от «святого» — «св.» пишется в православной традиции со строчной буквы. Выражение «ученый археолог» и т. п. (ученый агроном, ученый секретарь) прежде писалось без дефиса, которым пользуется автор (с. 504). Некоторые географические имена в тексте склоняются, например: «в г. Миасс» (с. 396), что до сих пор грамматически допустимо только в военных сводках. Имя барона де Бая почему-то подчеркнуто (с. 399). В полном соответствии с темой работы отмечаются дворянские титулы упоминаемых ученых, всех, кроме фон Тизенгаузена (511). Обидно за барона Владимира Густавовича! Среди отечественных политиков только применительно

к Б. В. Штюрмеру отмечено, что он «русский государственный деятель» (530), как видно, в связи с подозрениями современников в его прогерманских симпатиях...

В названиях дореволюционных научных организаций — Археологической комиссии, обществ Любителей естествознания, антропологии и этнографии, Московском и Русском Археологических, и т. п., опущена первая часть — «Императорская(ое)», что не совсем исторично как раз с точки зрения темы этой книги. Только патронаж верховной власти позволил этим объединениям возникнуть и существовать.

Одни персонажи удостаиваются в именном справочнике превосходных эпитетов, а другие, равновеликие, нет. К примеру, Д. Н. Анучин — «выдающийся» (с. 396), а следом идущий Д. И. Багaley — просто «академик» (с. 398); В. А. Городцов — всего лишь «профессор», да еще с «1818 г.» (с. 424). Л. Н. Толстой — «один из наиболее известных русских писателей и мыслителей» (с. 512), а вот И. С. Тургенев — «писатель, поэт» и всё (с. 514). А. С. Уварова можно было бы не клишировать «одним из наиболее известных» (с. 515), а прямо назвать основоположником научной археологии в России.

Разумеется, сделанные библиографические и корректорские пожелания носят, что называется, факультативный характер и нисколько не затрагивают уже высказанной выше высокой оценки энциклопедических познаний автора в области истории науки и политики. Источниковую базу книги образует множество архивных документов. Они принадлежат не только собственно археологическим учреждениям, с которыми в основном работали предшественники А. С. Смирнова, но многим государственным учреждениям, центральным и региональным, где оставались до сих пор затеряны историко-археологические материалы. Конечно, архивная база тут практически неисчерпаема, но привлеченный документальный материал в работе Смирнова едва ли не превосходит книжный, печатный, что является своеобразным источниковедческим рекордом в историографии археологии.

Текст книги сопровождается иллюстрациями, их много — почти по всем заметным персонажам даны их портреты; кроме того — виды, пейзажи тех природных и архитектурных объектов, что относились к сфере археологических путешествий.

Как видно из всего сказанного, работа А. А. Смирнова столь сложна и широка по содержанию, что ее трудно по достоинству оценить одному рецензенту любой квалификации. Полезно устроить коллективное обсуждение этой новаторской книги, как стремятся это делать с историографическими новинками Л. С. Клейна его петербургские коллеги. Мне думается, что увидевшие свет почти одновременно фундаментальные исследования А. С. Смирнова и Л. С. Клейна по истории археологии удачно дополняют друг друга по рассматриваемому материалу и выводам из него.

Литература

Высочков Л. В. 2006. Николай I. М.: Молодая гвардия.

Клейн Л. С. 2011. История археологической мысли: В 2 т. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та.

Кола Д. 2001. Политическая социология. М.: ИНФРА-М.

- Лебедев Г. С.* 1992. История отечественной археологии. 1700–1917. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та.
- Машанова Л. В., Машанова Ю. И.* 2012. История Кавказа в творчестве М. Ю. Лермонтова // *ВИ* 2, 87–69.
- Мионов Б. Н.* 1999. Социальная история России периода империи (XIX — начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин.
- Новомбергский Н. Я.* 2004. Слово и Дело Государевы (Процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 г.): В 2 т. М.: Языки славянской культуры.
- Платонова Н. И.* 2010. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX — первая треть XX века. СПб.: Нестор-История.
- Раздорский А. И.* 2008. О времени обретения курской чудотворной иконы Знамения Богоматери // *Пятые Дамиановские чтения*. Курск: Курская сельхозакадемия, 126–132.
- Сахаров И. П.* 1873. Мои воспоминания // *Русский архив* I (6), 895–918.
- Сенаторский Н. П.* 1912. Чудесное обретение иконы Знамения пресвятой Богородицы на корне дерева // *Курские епархиальные известия* 32, 147–162; 34, 89–112.
- Сергеев Е. Ю.* 2001. «Большая игра» в российско-британских отношениях второй половины XIX — начала XX века: новый взгляд // *РИ* 5, 3–15.
- Серых Д. В.* 2005. Всероссийские Археологические съезды как форма организации отечественной археологической науки во второй половине XIX — начале XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара.
- Тункина И. В.* 2002. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб.: Наука.
- Философы России XIX–XX столетий. Биографии, идеи, труды.* 1999. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Академический проект.
- Формозов А. А.* 1961. Очерки по истории русской археологии. М.: Изд-во АН СССР.
- Формозов А. А.* 1983. Начало изучения каменного века в России. Первые книги. М.: Наука.
- Формозов А. А.* 1986. Страницы истории русской археологии. М.: Наука.
- Формозов А. А.* 1991а Уральский археолог М. В. Малахов // *Очерки истории русской и советской археологии*. М.: ИА РАН, 211–223.
- Формозов А. А.* 1991б. Уралец Малахов // *ВИ* 4–5, 58–63.
- Формозов А. А.* 1995. Классики русской литературы и историческая наука. М.: Радикс.
- Фуко М.* 1999. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad marginem.
- Шаповал И.* 1989. В поисках сокровищ. Документальные рассказы. М.: Советский писатель.
- Щавелев С. П.* 1992. Первый опыт массового учета археологических памятников в России (анкета Д. Я. Самоквасова 1872–1873 гг. и ее результаты) // *РА* 1, 143–151.
- Щавелев С. П.* 1996 (4). Археологический почин курского учителя А. И. Дмитрюкова в 1820–1830-е годы // *РА* 4, 177–184.
- Щавелев С. П.* 1997. Первооткрыватели курских древностей. Очерки истории археологического изучения южнорусского края. Вып. II. «Золотой век» губернского краеведения: 1860–1910-е годы. Курск: Изд-во Курского мед. ун-та.
- Щавелёв С. П.* 1998. Историк Русской земли. Жизнь и труды Д. Я. Самоквасова. Курск: Изд-во Курского мед. ун-та.
- Щавелёв С. П.* 2007. «Дело краеведов ЦЧО» 1930–1931 годов. (Курский «филиал»). Курск, изд-во Курского ун-та.